

СИБИРЬ КАК БАЗА ДЛЯ ЭВАКУАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Анализируются мероприятия в области эвакуации архивных документов и организации работы эвакуированных архивов в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Приводятся данные об объеме и характере архивных материалов, эвакуированных в Сибирь из приграничных и оккупированных европейских и дальневосточных районов страны, а также центральных государственных и ведомственных архивов СССР. Статья написана на основе источников, собранных автором в центральных и сибирских архивах РФ.

Неудачи Советской армии в первые месяцы после нарушения войсками Вермахта 22 июня 1941 г. государственной границы СССР, стремительное продвижение гитлеровских войск, утрата контроля над захваченными врагом территориями диктовали необходимость принимать оперативные решения по вывозу архивов. Однако растерянность в высших эшелонах власти и неумение организовать достойный отпор агрессору на рубежах страны сказались и в вопросе эвакуации архивных документов. Распоряжение об эвакуации важнейших документальных материалов, документов спецразработки и учетно-справочного аппарата государственных архивов, находившихся в прифронтовой полосе, было отдано Управлением государственными архивами (УГА) НКВД СССР наркоматам внутренних дел республик и УНКВД областей 30 июля 1941 г. Подробные указания по вопросам охраны и эвакуации документальных материалов государственных архивов содержались в приказе НКВД СССР от 30 августа 1941 г. Мероприятия в области эвакуации архивных документов в Сибирь были проанализированы и озвучены в докладе начальника научно-издательского отдела УГА НКВД СССР Маркова и в сообщениях руководителей региональных органов управления архивным делом на состоявшемся в сентябре 1942 г. в г. Новосибирске кустовом совещании начальников отделов государственных архивов НКВД – УНКВД Урала и Сибири [1. Оп. 10. Д. 1197. Л. 1–30].

К сожалению, накануне войны никаких мер по подготовке архивистов к работе в условиях военного времени не предпринималось. Об этом свидетельствуют отсутствие слаженности при эвакуации архивных документов из прифронтовых и оккупированных территорий страны и неподготовленность тыловых районов к их размещению [2–4]. Вместе с тем в ходе эвакуации архивисты имели возможность использовать административные и силовые ресурсы системы НКВД, частью которой они являлись с 1939 г. Во многом именно благодаря этим ресурсам было возможно выживание архивного дела в жестких условиях войны.

Сибирь, находившаяся глубоко в тылу, являлась одной из баз для эвакуации архивов из приграничных и прифронтовых районов страны. Сибирские города (Новосибирск, Томск, Омск, Тюмень, Барнаул) приняли значительную массу эвакуированных документов. Вся работа по оказанию помощи эвакуированным архивам ложилась на плечи архивных отделов УНКВД тех регионов, куда эвакуировались архивные документы. Сложность заключалась в том, что эвакуация проводилась в спешном порядке и эвакуированные документы, как правило, находились в хаотическом состоянии. За-

дача принимающей стороны заключалась не только в поиске подходящих для их размещения помещений, нередко не хватающих для собственных архивохранилищ, но и в налаживании работы по приведению в порядок и использованию эвакуированных документов.

Сбор сведений об объеме и характере эвакуированных вглубь страны материалов и организация систематической работы эвакуированных архивов были начаты УГА НКВД СССР осенью 1941 г. На запрос организационно-методического отдела УГА НКВД СССР от 7 октября 1941 г. начальник архивного отдела УНКВД по Новосибирской области М.Е. Горохов 24 октября 1941 г. охарактеризовал количество и состояние эвакуированных в архивные учреждения Новосибирской области документальных материалов. Одними из первых в Сибирь из европейской части страны прибыли документы знакового для Советского государства характера. В августе 1941 г. по указанию УГА НКВД СССР в архивохранилище отдела секретных фондов Государственного архива Новосибирской области был помещен комплект основных проектных материалов по строительству Дворца Советов при СНК СССР в объеме 1 вагон (33 оцинкованных ящика). Документы были хорошо упакованы; уполномоченным по транспортировке являлся инженер М.И. Шкундин, который после сдачи груза вернулся в Москву [5. Оп. 1. Д. 628. Л. 65]. Наряду с архивными материалами в отделе секретных фондов Государственного архива Новосибирской области хранился также макет гигантской стометровой статуи Ленина скульптора С. Меркулова, которая должна была увенчать планируемое монументальное сооружение символа грядущего торжества коммунизма [1. Оп. 10. Д. 1197. Л. 54]. В Томском филиале Новосибирского областного государственного архива было намечено разместить 13 вагонов документальных материалов, отправленных из Ростова, которые на момент составления письма еще находились в пути [5. Оп. 1. Д. 628. Л. 65–65 об.]. Впоследствии упомянутые ростовские материалы были оставлены на временное хранение в Омске.

В конце декабря 1941 г. в ходе обследования состояния и работы отдела государственных архивов УНКВД по Омской области и Омского областного государственного архива представителями УГА НКВД СССР А.М. Ивановым и Н.П. Шляпниковым выяснилось, что в Омскую область прибыло 30 вагонов документальных материалов Ростовской области, которые были «свалены навалом» в помещениях бывших гаражей по Больничному переулку, 3 и по ул. Чернышевского, а также в летних деревянных бильярдной и читальном зале сада им. Куйбышева г. Омска. Один

«пульмановский» вагон ростовских материалов потерялся в дороге. В бывшем читальном зале сада им. Куйбышева вместе с ростовскими материалами были размещены 4 вагона архивных материалов из Рязанской области и один вагон документов Мариупольского архива. В г. Тюмени Омской области на временном хранении оказались 4 вагона материалов Крымской АССР и один вагон из Молдавии.

Прибывшие в Омскую область архивные материалы находились в неудовлетворительном состоянии. Как видно из документа, эвакуация документов из Ростовской области происходила стихийно и в большой спешке: «...перед эвакуацией не был произведен отбор наиболее ценных материалов, а взято все, что хранилось в Ростовском архиве... Небрежная погрузка, выгрузка и переброска материалов привели к тому, что ряд связок разбиты. Все фонды, включая и ориентировочно-справочный материал: описи, картотеки и т.п. перепутаны между собой» [6. Оп. 1. Д. 323. Л. 3–4]. Материалы Государственного архива Ростовской области, а также его филиалов в г. Таганрог и г. Шахты эвакуировались в Омск в две очереди: в сентябре и октябре 1941 г. Наряду с документальными материалами были вывезены научно-справочная библиотека и справочный аппарат архивов. Архивные материалы сопровождали 15 сотрудников во главе с начальником отдела госархивов УНКВД по Ростовской области, в том числе начальник отдела секретных фондов Ростовского исторического архива, начальник отдела секретных фондов Военного архива, начальник Шахтинского филиала, начальник отдела секретных фондов и научный сотрудник Шахтинского филиала [1. Оп. 10. Д. 1235. Л. 8–9]. По данным на 1 июля 1944 г., в г. Омске хранилось 1 184 751 ед. хр. архивных материалов Ростовской области, что даже несколько превышало общее количество единиц хранения, сосредоточенных в Ростовской области накануне войны [1. Оп. 10. Д. 1521. Л. 72].

Эвакуация архивных материалов из Крыма в г. Тюмень Омской области осуществлялась в августе 1941 г. В справке об эвакуации документальных материалов, составленной специалистами УГА НКВД СССР 25 февраля 1942 г., отмечалось, что точных сведений о составе и количестве вывезенных материалов, а также о том, кем производился отбор материалов к эвакуации, производилось ли уничтожение каких-либо материалов архива, не имеется. Было известно, что 3 вагона сосредоточенных в Тюмени эвакуированных материалов принадлежали Центральному государственному архиву Крымской АССР и представляли собой в основном все фонды отдела секретных фондов, фонды правительственных учреждений и учетно-справочный материал архива. Архивные материалы прибыли в Тюмень в сопровождении инспектора отдела госархивов НКВД Крымской АССР, старшего научного сотрудника и начальника отдела секретных фондов госархива Крымской АССР [1. Оп. 10. Д. 1235. Л. 4–5]. По состоянию на 1 июля 1944 г. в г. Тюмени Омской области находилось на хранении 200 000 ед. хр. материалов Центрального архива Крымской АССР [1. Оп. 10. Д. 1521. Л. 73], что составляло примерно третью часть архивных документов, сосредоточенных в Крыму накануне войны [1. Оп. 10. Д. 1235. Л. 4].

В помещении Тюменского филиала Государственного архива Омской области было размещено 1 133 кг архивных материалов, эвакуированных из г. Бельцы Молдавской ССР. Причем сведений о том, кто производил отбор документальных материалов к эвакуации, производилось ли уничтожение каких-либо материалов этих архивов перед занятием г. Бендеры и г. Бельцы немецко-фашистскими войсками, также не имелось [1. Оп. 10. Д. 1235. Л. 50 об.].

Приём эвакуированных архивов в Сибири был сопряжён со значительными трудностями. Например, в г. Омске остро стояла проблема сохранности прибывших документальных материалов. Деревянные помещения не обеспечивали оптимальные условия хранения архивных документов: «Весной неизбежно проникновение через крыши и стены воды в эти помещения. Досчатые стены помещения бывшего читального зала прогнулись и грозят обвалом» [6. Оп. 1. Д. 323. Л. 3–4]. Одна из задач отдела государственных архивов УНКВД по Омской области, на который было временно возложено руководство работой эвакуированных архивов, заключалась в необходимости добиться подходящего помещения для их размещения и работы. В отчете о работе архивных органов Омской области за 1941 г. сообщалось, что по инициативе отдела госархивов 31 декабря 1941 г. Омским облисполкомом советов было принято решение о предоставлении под эвакуированные материалы здания бывшей Казачьей церкви (Никольского собора). Сюда предполагалось перебросить основную массу эвакуированных материалов, находившихся в непригодных помещениях г. Омска. Однако требовалось найти средства и строительный материал, чтобы переоборудовать помещение церкви для хранения архивных документов [6. Оп. 1. Д. 308. Л. 10].

Существенным препятствием в функционировании архивов, эвакуированных в Сибирь из прифронтовой полосы, являлось то, что отделы госархивов и государственные архивы оккупированных фашистами областей автоматически снимались с финансирования. На эту проблему обращал внимание заместитель наркома НКВД СССР И.А. Серов, который в августе 1941 г. поручил наркому НКВД УССР возбудить ходатайство перед СНК УССР о восстановлении кредитов для содержания эвакуированных вглубь страны архивных отделов и государственных архивов НКВД УССР [1. Оп. 10. Д. 820. Л. 19]. Такое положение было характерно не только для архивов Украины, аналогичная ситуация сложилась в Белоруссии, Молдавии и оккупированных районах России. Так, из-за отсутствия средств на выплату зарплаты 12 человек из 15 сотрудников, сопровождавших документальные материалы государственных архивов Ростовской области, после разгрузки вагонов в Омске были освобождены от работы [1. Оп. 10. Д. 1235. Л. 9].

Между тем после размещения документальных материалов на новом месте в эвакуированных архивах требовалось наладить систематическую плановую работу по обработке и использованию архивных документов. В конце 1941 г. представителями УГА НКВД СССР, осуществлявшими проверку работы архивных органов Омской области, было негативно охарактери-

зовано бездействие ростовских архивистов, сопровождавших эвакуированные в г. Омск материалы: «Никакой работы над этими материалами не проводится, хотя кое-какая возможность для этого, даже в этих условиях, имелась. Имелась возможность выделить алфавитную картотеку, ориентировочно-справочный аппарат, привести его в порядок, а также начать в помещении гаража и биллиардной выделение материалов, не подлежащих хранению. Однако руководство отдела госархивов Ростовской области вместо того, чтобы развивать работу, решило работников, эвакуированных с материалами, в количестве 12 человек освободить от работы, за невозможностью использования, оставив только трех человек» [6. Оп. 1. Д. 323. Л. 3–4]. В докладе о работе архивных органов Омской области за 1941 г., предоставленном начальнику УГА НКВД СССР И.И. Никитинскому 28 января 1942 г., содержалась несколько иная информация. Здесь отмечалось, что «справочно-ориентировочный аппарат эвакуированного Ростовского архива находится в полном порядке и используется работниками архива в оперативных целях», тогда как «прибывшая с материалами Рязанского архива начальник отдела госархивов УНКВД по Рязанской области тов. Иванова за время своего пребывания в Омске мало интересовалась созданием необходимых условий для хранения эвакуированных материалов и практически в этой плоскости ничего не сделала» [6. Оп. 1. Д. 308. Л. 9]. Так или иначе, руководители эвакуированных в Омскую область архивов обязаны были в 1942 г. «немедленно укомплектовать штат и развернуть работу по приведению архивных документов в порядок и очищению их от материалов, не подлежащих хранению, а также срочно выслать в УГА НКВД списки эвакуированных фондов» [6. Оп. 1. Д. 323. Л. 5]. Контроль над работой эвакуированных в г. Омск государственных архивов возлагался на руководителя отдела госархивов УНКВД по Омской области. Начальник отдела госархивов УНКВД по Омской области В.Ф. Девтеров в соответствии с распоряжением начальника УНКВД осенью 1942 г. организовывал совместную производственную учебу для сотрудников Омского и Ростовского отделов госархивов [6. Оп. 1. Д. 318. Л. 1], осуществлял общее руководство работой находившихся на территории области архивов.

Одна из основных задач, особенно остро стоявших перед архивными органами в военные годы, заключалась в установлении ещё более тесных контактов архивистов с оперативными отделами УНКВД и выполнении по их заданиям справочной работы. Это касалось и эвакуированных архивов. Циркуляр начальника УГА НКВД СССР И.И. Никитинского от 24 декабря 1941 г. требовал ускорить разработку в оперативно-чекистских целях документальных материалов, эвакуированных из районов военных действий. Как указывалось в документе, основная часть эвакуированных материалов представляла собой «секретные документы о работе жандармских управлений и охранных отделений царской России, иностранных разведок и другие важнейшие материалы, по которым проходят шпионы, диверсанты, провокаторы, жандармы, белые офицеры, члены фашистских и других контрреволюционных партий» [5. Оп. 1. Д. 628. Л. 76].

В условиях Великой Отечественной войны были несколько смещены акценты и изменены направления оперативно-справочной работы архивистов. Идеи классовой борьбы с внутренними врагами советского государства в связи с угрозой утраты национальной независимости и необходимостью общенационального единения для отпора внешнему врагу отошли на второй план. Вместе с тем, как видно из приведенной выше цитаты, члены антисоветских «контрреволюционных» партий ставились в один ряд с фашистами. Разработка этих материалов до эвакуации не была закончена, а некоторые отделы государственных архивов, принявшие материалы на временное хранение, не сумели оперативно продолжить работу. В частности, в качестве негативного примера был назван отдел госархивов УНКВД по Омской области. Руководителям отделов госархивов НКВД – УНКВД, на территорию которых были эвакуированы секретные материалы, предлагалось немедленно приступить к их разработке, в связи с военной ситуацией обращая внимание в первую очередь на те фонды, по которым могли бы быть выявлены «немецкие, австро-венгерские, итальянские, румынские, финские, японские и другие шпионы». Составленные списки надлежало передавать в оперативные отделы НКВД – УНКВД, а их копии направлять во 2-й отдел УГА НКВД СССР. Также необходимо было в кратчайший срок привести в полный порядок списки и картотеки эвакуированных государственных архивов для использования их в оперативно-справочной работе. Работа с секретными фондами эвакуированных архивов должна была выполняться, прежде всего, сопровождавшими их архивистами. В тех случаях, когда таких работников не имелось, надо было привлекать местные силы. Начальникам отделов госархивов УНКВД надлежало к 25 января 1942 г. выслать в УГА НКВД СССР планы мероприятий по разработке секретных материалов эвакуированных архивов и впоследствии раз в три месяца докладывать о ходе их выполнения [5. Оп. 1. Д. 628. Л. 76–76 об.].

Особую заботу для руководителей отделов государственных архивов УНКВД областей Сибири составляло оказание помощи архивам эвакуированных ведомств, предприятий, учреждений и организаций. В ноябре 1941 г. начальнику архивного отдела госархивов УНКВД по Новосибирской области М.Е. Горохову поступили указания начальника УГА НКВД СССР И.И. Никитинского и начальника организационно-методического отдела УГА НКВД СССР А.Ф. Горленко об организации работы эвакуированных в Новосибирскую область архивов центральных учреждений и наркоматов. В связи с тем, что непосредственная связь УГА НКВД СССР с эвакуированными из Москвы архивами наркоматов и центральных учреждений СССР и РСФСР могла в то время производиться только путем переписки и отдельными выездами инспекторов УГА НКВД СССР, отделу госархивов УНКВД по Новосибирской области поручалось наблюдение и оказание помощи этим архивам в размещении материалов и организации их работы. Между тем контроль над работой архивов наркоматов и формулирование указаний по вопросам методики и техники хранения и обработки документальных материалов оставались за УГА НКВД СССР [5. Оп. 1. Д. 628. Л. 68–68 об.].

Специфической в условиях войны являлась проблема согласования уничтожения архивных документов эвакуированных учреждений, организаций и предприятий. Еще 5 июля 1941 г. СНК СССР было принято решение о «разгрузке» и освобождении ведомственных архивов от материалов, не имеющих или утративших научно-историческую и практическую ценность, впоследствии распространенное и на все государственные архивы [1. Оп. 10. Д. 1197. Л. 3]. В современной отечественной историографии рассматривался вопрос о масштабах и губительных последствиях «разгрузки» архивов [2. С. 41–43; 4. С. 269]. Однако мало что известно о перипетиях борьбы руководителей архивной службы за право контролировать процессы уничтожения архивных документов в ведомственных архивах.

Распоряжением и.о. начальника УГА НКВД СССР Костомарова и и.о. председателя Центральной экспертно-поверочной комиссии (ЦЭПК) УГА НКВД СССР Г.Н. Старова от 12 мая 1942 г. запрещалось согласовывать акты и отборочные списки на материалы, выделенные к уничтожению из эвакуированных архивов народных комиссариатов и центральных учреждений СССР и РСФСР, с экспертно-поверочными комиссиями (ЭПК) отделов госархивов НКВД – УНКВД. Акты и отборочные списки указанные учреждения должны были направлять напрямую в ЦЭПК УГА НКВД СССР [5. Оп. 2 Б. Д. 19. Л. 5]. Однако 31 августа 1942 г. начальникам отделов госархивов НКВД – УНКВД было разослано дополнительное распоряжение по этому вопросу, подписанное начальником УГА НКВД СССР И.И. Никитинским и председателем ЦЭПК УГА НКВД СССР Д.С. Бабуриным. В нем предлагалось довести до сведения всех эвакуированных на территорию той или иной области наркоматов и центральных учреждений СССР и РСФСР, что отборочные списки на документальные материалы, не подлежащие хранению, должны направляться в ЦЭПК только через местные отделы госархивов. В функции ЭПК отделов госархивов НКВД – УНКВД входила проверка правильности оформления отборочных списков, обязательная экспертиза документов по представленным отборочным спискам на месте, составление экспертом отдела госархивов письменного заключения, которое вместе с отборочными списками надлежало направлять в ЦЭПК УГА НКВД СССР [5. Оп. 2 Б. Д. 19. Л. 8].

Как видно, руководством архивной службы предпринимались попытки пресечь практику бесконтрольного уничтожения архивных документов, принявшую в начале войны массовый характер. Начальники отделов госархивов УНКВД Сибири осуществляли инспектирование эвакуированных учреждений с целью взятия на учет эвакуированного материала. Однако часто они наталкивались на нежелание руководителей учреждений подчиняться контролю архивных органов. Этот вопрос поднимался в докладах начальников отделов госархивов на Новосибирском кустовом совещании 1942 г. В частности, начальник отдела госархивов УНКВД по Омской области В.Ф. Девтеров отмечал, что в результате обследования эвакуированных учреждений выяснилось, что при эвакуации основной материал не был вывезен, около 40% архивных документов было уничтожено на месте [1. Оп. 10. Д. 1197. Л. 31 об.].

Известно, что отделом госархивов УНКВД по Новосибирской области к 1942 г. были взяты на учет архивы 27 учреждений и предприятий, эвакуированных из прифронтовой полосы, которым была оказана большая помощь в части выделения помещений и приведения их в надлежащий порядок [5. Оп. 2 А. Д. 4. Л. 10]. Например, из Украины в г. Новосибирск были эвакуированы Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта, Украинский центральный институт гигиены труда и профзаболеваний, предприятие «Южэлектромонтаж» [5. Оп. 2 Б. Д. 24. Л. 7]. На Новосибирском кустовом совещании 1942 г. начальник отдела госархивов УНКВД по Новосибирской области М.Е. Горохов упоминал об эвакуированных в Новосибирск 34 тыс. ед. хр. Московского городского совета, архиве Академии наук и др. [1. Оп. 10. Д. 1197. Л. 35]. В г. Томске Новосибирской области находились архивы Наркомторга РСФСР, Всесоюзного комитета по делам высшей школы, Комитета по делам искусств при СНК РСФСР [7. Оп. 1. Д. 134. Л. 7]. По поручению отдела госархивов УНКВД по Новосибирской области томские архивисты осуществляли инспектирование эвакуированных архивов. В 1941 г. архивы Наркомата торговли РСФСР, ВКВШ и Комитета по делам искусств при СНК РСФСР обследовались научным сотрудником Томского архива В.А. Бединым наряду с архивами учреждений и организаций г. Томска. В ходе обследования выяснилось, что в подавляющем большинстве обследованных архивов материалы находились в неупорядоченном состоянии, а в некоторых учреждениях самочинно уничтожались [7. Оп. 1. Д. 134. Л. 6]. В 1943 г. было проведено обследование двух эвакуированных в Томск учреждений: завода № 355 и Киевского отделения Промстройпроекта. Материалы завода сохранились и были впоследствии реэвакуированы вместе с заводом, в архиве Киевского отделения Промстройпроекта имелись лишь секретные материалы, к обследованию которых томский архивист не был допущен [7. Оп. 1. Д. 167. Л. 27 об.].

В Омск в 1941 г. были эвакуированы документальные материалы ведомственных архивов спецторга, милиции и ЗАГСа г. Днепропетровска [6. Оп. 1. Д. 368. Л. 11–12], Киевской стройконторы НКВД УССР, ряда промышленных предприятий. Наряду с этим в Омске во время войны размещались эвакуированные документальные материалы центральных ведомственных архивов Наркомвнешторга СССР, Наркомзема СССР и Наркомсовхозов СССР. Всего, по данным, приведенным в рапорте начальника архивного отдела УНКВД по Омской области В.Ф. Девтерова начальнику ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинскому от 10 августа 1945 г., на территорию г. Омска и области было принято 2 750 тыс. единиц хранения документальных материалов государственных и ведомственных архивов, что составляло, по данным этого же документа, около 20% к общему числу всех документов, эвакуированных по Советскому Союзу [6. Оп. 1. Д. 368. Л. 23–23 об.].

В Сибирь эвакуировались не только архивы из европейских приграничных и оккупированных территорий страны. Эвакуация охватила также и документальные материалы центральных государственных архивов СССР Москвы и Ленинграда. Известно, что указание о

подготовке к эвакуации всех учетных и оперативно-справочных материалов центральных государственных архивов СССР, в том числе всесоюзной картотеки по учету фондов, дел фондов, архивных описей, списков фондов, а также картотеки на провокаторов, шпионов, лиц, заподозренных в шпионаже, троцкистов и других «контрреволюционных элементов», было отдано начальником ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинским 3 июля 1941 г. [8. С. 63]. Исследователь истории центральных государственных архивов СССР в годы Великой Отечественной войны О.Н. Копылова отметила, что в восточные районы страны было эвакуировано 7 093 805 ед. хр. и 9 177 коробок архивных документов, т.е. 70% от общего объема хранившихся в центральных государственных архивах СССР дел [8. С. 83]. По сведениям, содержащимся в докладе Маркова на Новосибирском кустовом совещании 1942 г., в течение 1941–1942 гг. из центральных государственных архивов Москвы и Ленинграда было вывезено около 350 вагонов документальных материалов [1. Оп. 10. Д. 1197. Л. 5].

Одной из баз для эвакуации документов центральных государственных архивов являлся г. Барнаул Алтайского края, где было размещено на временное хранение 88 вагонов архивных материалов, в том числе 32 вагона Центрального государственного архива Красной Армии (ЦГАКА), 11 вагонов Центрального государственного исторического архива (ЦГИА), 10 вагонов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), 7,5 вагонов Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), по 5 вагонов Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) и Центрального государственного литературного архива (ЦГЛА), 17,5 вагонов Московского областного архива [1. Оп. 10. Д. 1221. Л. 221–223]. Управление эвакуированными центральными государственными архивами осуществлялось уполномоченным УГА НКВД СССР, назначаемым руководством НКВД СССР. В функции отдела госархивов УНКВД по Алтайскому краю не входило оказание помощи и установление контроля над деятельностью эвакуированных центральных государственных архивов. Все вопросы, связанные с размещением и функционированием центральных государственных архивов в г. Барнауле, решались на уровне начальника УНКВД по Алтайскому краю, председателя краевого исполнительного комитета советов и секретаря краевого комитета ВКП(б). В случае, если возникали сложности в разрешении того или иного вопроса на месте, задействовалось высшее руководство РСФСР и СССР.

Именно при организации работы эвакуированных центральных государственных архивов особенно широко использовались административные и силовые ресурсы системы НКВД, которые, однако, не являлись безграничными. Это наглядно видно на примере выполнения задачи разгрузки железнодорожных вагонов и перевозки архивных документов на места временного стационарного хранения. Так, для размещения 8 вагонов с документами Московского областного архива, прибывших в Барнаул в сентябре 1942 г., понадобилось двое с половиной суток. На разгрузке и укладке архивных материалов, производившейся главным образом в

ночное время, при единовременном использовании 4–5 машин работало посменно более 100 заключенных и 22 призывника [1. Оп. 10. Д. 1221. Л. 33]. Административный ресурс использовался и для решения проблемы помещений, удовлетворяющих требованиям хранения архивных материалов. Известно, что первая партия прибывших в Барнаул в августе 1942 г. архивных документов центральных государственных архивов была размещена в бывшем гараже УНКВД. Затем, «после чрезвычайной острой постановки вопроса о помещениях перед местными организациями и помощи, оказанной со стороны начальника УНКВД и крайкома ВКП(б) Алтайского края» удалось получить помещение аэроклуба «Динамо» по ул. Никитинской, 55, работа которого была временно свернута [1. Оп. 10. Д. 1221. Л. 24]. Однако этого было недостаточно. К сентябрю 1942 г. количество эвакуированных материалов в Барнауле увеличилось вдвое: с 40 до 83 вагонов, они были распродоточены в пяти разных местах города. Значительная часть их находилась в сырых, непригодных для хранения документальных материалов помещениях.

Отсутствие подходящих свободных помещений для эвакуированных документальных материалов являлось источником конфликтов между руководителями эвакуированных архивов и руководством Алтайского края. Конфликт принял угрожающие размеры после попытки использовать под эвакуированные архивные документы здание местного краеведческого музея. В служебном конфиденциальном письме уполномоченного УГА НКВД СССР по г. Барнаулу полкового комиссара П.В. Чернелевского начальнику УГА НКВД СССР от 19 ноября 1942 г. содержалась просьба: «...ввиду того, что все возможности в смысле постановки этого вопроса мною и начальником УНКВД Волошенко уже исчерпаны, прошу Вас лично и через соответствующие высшие органы в Москве просить секретаря Алтайского краевого комитета ВКП(б) т. Лобкова (от которого во многом зависит положительное решение вопроса) о предоставлении нам здания местного Краевого музея для размещения документальных материалов, находящихся в гараже и в складе» [1. Оп. 10. Д. 1221. Л. 20]. Для решения возникшей проблемы курировавший архивное дело в системе НКВД заместитель наркома НКВД СССР комиссар государственной безопасности 2-го ранга С.Н. Круглов 1 февраля 1943 г. обратился к заместителю председателя СНК РСФСР Памфилову с просьбой дать указания Алтайскому крайисполкому советов о предоставлении помещений, пригодных для хранения эвакуированных документов [1. Оп. 10. Д. 1214. Л. 18]. Однако телеграфное распоряжение СНК РСФСР от 10 февраля 1943 г. ожидаемых московскими архивистами результатов не дало. 28 августа 1943 г. С.Н. Круглов направил письмо председателю СНК РСФСР А.Н. Косыгину с просьбой дать распоряжение Алтайскому крайисполкому о предоставлении УНКВД по Алтайскому краю для размещения эвакуированных материалов центральных государственных архивов здания краевого музея [1. Оп. 10. Д. 1214. Л. 61]. А.Н. Косыгин в телеграмме 3 сентября 1943 г. предписал Алтайскому крайисполкому предоставить помещение, обеспечивающее нормальное хранение архивных материалов [1. Оп. 10. Д. 1221. Л. 279].

Однако, к удивлению москвичей, председатель Алтайского крайисполкома П.Н. Корчагин вместо того, чтобы безоговорочно выполнить указание руководства, прислал в ответ А.Н. Косыгину и С.Н. Круглову телеграмму, в которой сообщил, что свободных помещений в Барнауле нет, и материалы надо реэвакуировать [1. Оп. 10. Д. 1221. Л. 282]. Попытка добиться выполнения решения председателя СНК РСФСР не увенчалась успехом и позже. Ситуация разрешилась лишь благодаря произошедшему в 1943 г. коренному перелому на Восточном фронте и мужеству руководителей Алтайского края, по государственному огнесихся к возникшей проблеме. 28 октября 1943 г. председатель Алтайского крайисполкома советов вторично обратился к А.Н. Косыгину и С.Н. Круглову с предложением «рассмотреть возможность реэвакуации архивных материалов за пределы края» [1. Оп. 10. Д. 1221. Л. 303]. После этого обсуждение данного вопроса было, по-видимому, перенесено в СНК СССР. В ноябре – декабре 1943 г., в связи с невозможностью подыскания в Барнауле помещения, пригодного для хранения эвакуированных документальных материалов центральных государственных архивов, было принято решение о реэвакуации части материалов в Москву. О предпринятых НКВД СССР в этом направлении мерах и о намерении закончить реэвакуацию 45 вагонов документальных материалов в январе 1944 г. С.Н. Круглов 31 декабря 1943 г. уведомлял управляющего делами СНК СССР Я.К. Чадаева [1. Оп. 10. Д. 1214. Л. 84]. Можно думать, что именно твердая позиция председателя Алтайского краевого исполкома советов П.Н. Корчагина, не пожелавшего разрушить местный краеведческий музей, послужила предпосылкой к началу реэвакуации архивных документов центральных государственных архивов из г. Барнаула.

В процессе подготовки к всеобщей реэвакуации архивных документов начальник УГА НКВД СССР И.И. Никитинский сообщал заместителю наркома НКВД СССР С.Н. Круглову о том, что по состоянию на 1 июля 1944 г. в восточных областях страны на временном хранении находилось около 150 вагонов документальных материалов республиканских, краевых и областных государственных архивов, которые были эвакуированы в 1941 г. из республик и областей, захваченных немецко-фашистскими войсками [1. Оп. 10. Д. 1521. Л. 66]. Такое же количество документальных материалов, вывезенных из республиканских, краевых, областных государственных архивов, указывалось в докладе представителя УГА НКВД СССР Маркова на Новосибирском кустовом совещании 1942 г. С учетом материалов центральных государственных архивов количество эвакуированных вглубь страны архивных документов составляло около 600 вагонов [1. Оп. 10. Д. 1197. Л. 4–5]. Работа по реэвакуации архивных материалов из Сибири заняла период с середины 1944 г. до осени 1945 г. Например, реэвакуация архивных документов из г. Омска, в ходе которой было вывезено 62 вагона документальных материалов государственных и ведомственных архивов, началась в апреле 1944 г. и завершилась в августе 1945 г. [6. Оп. 1. Д. 368. Л. 23–23 об.].

Сибирь являлась базой для эвакуации архивных документов не только из европейских районов страны, но

также и с приграничных Дальневосточных территорий. По сведениям, приведенным в акте обследования и приема на баланс НКВД Новосибирского областного архивного управления, составленном 2 марта 1939 г., в Томском отделении Новосибирского областного архива хранились неразобранными 400 фондов архива Дальневосточного края (125 тыс. ед. хр.). В документе отмечалось, что архив Дальневосточного края был привезен в Сибирь в 1934–1935 гг. и частично в 1938 г. [5. Оп. 1. Д. 578. Л. 17]. По другим данным первая эвакуация архивных документов с Дальнего Востока в Новосибирскую область была произведена в 1937 г. В ответе на запрос организационно-методического отдела УГА НКВД СССР об эвакуированных в Новосибирскую область документах начальник архивного отдела УНКВД по Новосибирской области М.Е. Горохов 24 октября 1941 г. отмечал: «В Новосибирскую область первая эвакуация архивных документальных материалов была произведена в 1937 г. с Дальнего Востока в количестве 6 вагонов, 306 фондов, более 100 тысяч дел, которые нами были приняты в хаотическом состоянии, размещены в Томском филиале областного госархива и своими силами полностью приведены в порядок» [5. Оп. 1. Д. 628. Л. 65]. В течение 1941–1942 гг. в Томский архив поступило еще 5 вагонов (около 170–180 тыс. ед. хр.) архивных документов, отложившихся на территории Дальневосточного края [7. Оп. 1. Д. 161. Л. 10–10 об.].

Также как и в ситуации с архивами, эвакуированными из европейской части страны, томским архивистам как стороне, принявшей документальные материалы, необходимо было организовать работу по приведению в порядок и использованию эвакуированных дальневосточных материалов. Эта работа требовала значительных сил, времени и средств, т.к. все материалы поступили в Томск не просто перепутанными, но и вовсе не описанными, не систематизированными и не отремонтированными, что влекло за собой недовольство томских архивистов и возникновение конфликтных ситуаций.

В отличие от регионов, оккупированных фашистскими войсками, отдел госархивов УНКВД по Приморскому краю не снимался с финансирования, а продолжал функционировать в полном объеме, в том числе пытаясь осуществлять и руководство работой над эвакуированными материалами. Несмотря на это, недостаток финансовых средств и материальные проблемы сказывались и в работе эвакуированных Дальневосточных архивов. В соответствии с распоряжением УГА НКВД СССР от 31 марта 1942 г. для разборки и приведения в порядок документальных материалов, эвакуированных из Приморского края, отделом госархивов УНКВД по Приморскому краю в мае 1942 г. в г. Томск были командированы 3 приморских архивиста [7. Оп. 1. Д. 161. Л. 4]. Начальник отдела госархивов УНКВД по Приморскому краю и начальник Приморского краевого государственного архива просили томских архивистов оказывать всемерное содействие и помощь для быстрого упорядочения и разработки архивных материалов Приморского края [7. Оп. 1. Д. 161. Л. 3–4]. Однако осенью 1942 г. приморские архивисты в связи с отсутствием материально-бытовых

условий для их проживания в г. Томске в зимнее время по просьбе начальника Томского архива были откомандированы обратно.

Между тем эвакуированные дальневосточные архивные материалы подлежали не только архивно-технической обработке, но и активной разработке, прежде всего, в целях использования оперативными органами. К августу 1942 г. томскими архивистами по эвакуированному документальным материалам Приморского края был составлен список-справочник на «контрреволюционный элемент» [7. Оп. 1. Д. 161. Л. 9–9 об.], предоставленный, согласно административной вертикали, начальнику отдела госархивов УНКВД по Новосибирской области. В соответствии с распоряжением начальника УГА НКВД СССР И.И. Никитинского от 19 сентября 1942 г. начальнику отдела госархивов УНКВД по Новосибирской области М.Е. Горохову указанный список-справочник был передан в УНКВД по Приморскому краю [5. Оп. 2 Б. Д. 19. Л. 2]. После этого отдел госархивов УНКВД по Приморскому краю считал себя вправе руководить работой томских архивистов и требовать от них отчета по разработке приморских материалов.

В декабре 1942 г. начальник отдела госархивов УНКВД по Приморскому краю и начальник Приморского государственного архива направили в организационно-методический отдел УГА НКВД СССР служебное письмо с жалобой на невыполнение Томским архивом заданий по составлению списка на личный состав рабочих и служащих Дальневосточного управления Наркомата лесной промышленности (Дальлеса), архив которого был эвакуирован в Томск. В ответе на жалобу начальник Томского государственного архива Михайлова справедливо отмечала, что материалы Дальлеса вместе с другими фондами были приняты в Томске лишь в августе 1942 г. и находились «в самом хаотическом состоянии». «Получив эту огромную массу неизвестных материалов, мы одновременно получили задание составить список на весь многотысячный состав Дальлеса и его отделений. Естественно, что мы не имели возможности выполнить этого важного запроса, – писала в организационно-методический отдел УГА НКВД СССР начальник Томского архива. – Из штабелей, насчитывающих десятки тысяч ед. хр., нельзя было выискивать дела Дальлеса и проводить их обработку. Необходимо было, прежде всего, провести систематизацию материалов по фондам. В данное время эта работа проведена, фонды Дальлеса и его отделений спешно приводятся в порядок, и в ближайшие несколько дней будет преступлено к составлению списков». В отношении действий руководителя отдела госархивов УНКВД по Приморскому краю начальник Томского архива отмечала: «Пустые жалобы ПримОГА лишь отрывают от работы центральных и местных сотрудников без пользы для общего дела. Было бы уместно спросить руководителей Приморского ОГА, чем занимались их архив в течение 20 лет существования, если ни один архивный фонд ими не приведен в порядок. Кроме того, поскольку при отправке материал “Дальлеса” потребовался для оперативных целей, надлежало бы его оставить, обработать и использовать на месте». Вместо этого начальники Приморского архива,

«освободившись от работы над архивными материалами... занялись изощрением в искусстве писания на руководителях Томского архива никчемных жалоб» [7. Оп. 1. Д. 161. Л. 11–11 об.].

Следует отметить, что, столкнувшись с большим количеством трудностей в работе с эвакуированными дальневосточными материалами, начальник Томского архива Михайлова еще в октябре 1942 г. выступила с инициативой создания в г. Томске филиала Приморского краевого архива или создания в Томском государственном архиве отдела Дальневосточных фондов. В связи с отсутствием кредитов для оплаты сверхурочной работы томских архивистов над эвакуированными материалами Михайлова считала, что содержание штаба и помещения для размещения и работы дальневосточных архивов должно вестись за счет средств отдела государственных архивов УНКВД по Приморскому краю. Учитывая то, что «материалы Приморского архива почти полностью вывезены в Томск и по своему объему представляют самостоятельный архив, требующий огромной затраты рабочего времени и средств», Михайлова предложила начальнику отдела госархивов УНКВД по Новосибирской области войти с соответствующим ходатайством в УГА НКВД СССР [7. Оп. 1. Д. 161. Л. 10–10 об.].

В мае 1943 г. руководством НКВД СССР и правительством РСФСР обсуждался вопрос о создании в Сибири специального архива для вывезенных с Дальнего Востока архивных материалов – Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ). Необходимость перемещения всех дальневосточных материалов и организации для них отдельного архива в месте эвакуации была обоснована в письме заместителя наркома НКВД СССР С.Н. Круглова заместителю председателя СНК РСФСР Д.Д. Дегтярь от 8 мая 1943 г. В нем, в частности, отмечалось: «Задача обеспечения сохранности документальных материалов Государственного архивного фонда в условиях войны имеет большое государственное значение. Эта задача особенно важна в отношении государственных архивов, находящихся в прифронтовых и приграничных районах. К таким приграничным районам РСФСР относятся Хабаровский и Приморский края и Читинская область. В государственных архивах Хабаровского и Приморского краев и Читинской области в настоящее время хранится около полутора миллиона единиц хранения документальных материалов. В составе фондов этих архивов находятся документы, отражающие отношение России с Японией по дальневосточным вопросам, борьбу России против японской агрессии на Дальнем Востоке, развитие народного хозяйства, культуры и быта народов Дальнего Востока. Таким образом, документальные материалы государственных архивов Хабаровского, Приморского краев и Читинской области имеют громадное научно-историческое, народно-хозяйственное и оперативное значение и требуют принятия надлежащих мер по обеспечению их полной сохранности. Между тем территориальное расположение этих государственных архивов, в случае военной обстановки на Дальнем Востоке, не может обеспечить полной сохранности находящихся в них документальных материалов» [1. Оп. 10.

Д. 1214. Л. 34–34 об.]. Поначалу считалось, что местом сосредоточения дальневосточных материалов должен был стать г. Красноярск. Представленный на рассмотрение СНК РСФСР проект постановления о Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока предусматривал создание такового 1 августа 1943 г. в г. Красноярске. В состав ЦГА РСФСР ДВ предполагалось включить весь документальный материал, находившийся в государственных архивах Хабаровского, Приморского краев и Читинской области, путем реорганизации названных государственных архивов в филиалы ЦГА РСФСР ДВ с оставлением на 1943 г. в этих филиалах существующих штатов и сметных ассигнований [1. Оп. 10. Д. 1214. Л. 35–35 об.]. Однако постановлением СНК СССР «О создании Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока» от 2 августа 1943 г. местом расположения нового центрального государственного архива был установлен г. Томск.

Завершить переброску в Томск оставшейся части документальных материалов государственных архивов Хабаровского края, объединив их с 11 вагонами архивных документов, сконцентрированными с 1942 г. в г. Минусинске Красноярского края, намечалось в конце 1943 г. Однако перемещение архивных документов из Минусинска в Томск затянулось вплоть до конца 1944 г. Начальник УГА НКВД СССР И.И. Никитинский в докладной записке заместителю наркома НКВД СССР Чернышеву от 3 августа 1944 г. указывал, что УНКВД по Красноярскому краю не приняло надлежащих мер по своевременному получению выделенных для перевозки архивных документов вагонов и бензина, вследствие чего документальные материалы из г. Минусинска в г. Томск до сих пор не отправлены [1. Оп. 10. Д. 1521. Л. 24, 77].

Создание в г. Томске ЦГА РСФСР ДВ поставило в затруднительное положение работников отделов госархивов УНКВД и государственных архивов Приморского и Хабаровского краев. Так, в ответ на требование научно-издательского отдела УГА НКВД СССР представить перспективный план научной работы начальник отдела госархивов УНКВД по Хабаровскому краю и начальник Хабаровского краевого архива в октябре 1943 г. отмечали: «...указать тематику публикаций, рассчитанную на 5–10 лет без наличия материалов и дальнейших перспектив в использовании, не имеем возможности» [1. Оп. 10. Д. 1647. Л. 38]. Для налаживания научно-исследовательской работы над материалами Хабаровского края начальник УГА НКВД СССР И.И. Никитинский 24 декабря 1943 г. предложил начальнику УНКВД по Хабаровскому краю направить из Хабаровска в Томск 1–2 научных сотрудников «для приведения в порядок эвакуированных материалов и организации над ними научно-исследовательской работы» [1. Оп. 10. Д. 1647. Л. 46]. В дальнейшем ЦГА РСФСР ДВ окончательно обособился в отдельное самостоятельное учреждение и вплоть до 1992 г. обслуживался архивистами г. Томска.

Сибирь была удобна для эвакуации архивов географически. Однако важным условием для обеспечения сохранности наиболее важных и ценных ресурсов страны в чрезвычайных условиях является предварительное продумывание и разработка четкой системы приоритетов и планов эвакуации. К сожалению, в годы Великой Отечественной войны в области архивного дела такие планы отсутствовали, доминировали ложные приоритеты, эвакуация архивных материалов являлась залогом случая, проводилась бессистемно и хаотично, следствием чего была утрата значительной части ценных информационных ресурсов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5325.
2. Копылова О.Н. К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. 1990. № 5. С. 37–45.
3. Савин В.А. «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР – СССР. 1918–1950-е годы. М., 2000. С. 51–55.
4. Хорхордина Т.И. История и архивы. М., 1994. С. 260–266.
5. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-2.
6. Государственный архив Омской области. Ф. Р-261.
7. Государственный архив Томской области. Ф. Р-502.
8. Копылова О.Н. Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2008 г.